

ОШО

МАСТЕР

О преобразении интеллектуала
в просветленного

«СОФУЯ»

2015

УДК 187.01
ББК 87.8
О-96

Перевод с английского Свами Дхиан Муниндры

Ошо
О-96 Мастер: О преобразении интеллектуала в про-
светленного / Перев. с англ. — М.: ООО Книжное
издательство «София», 2015. — 640 с.

ISBN 978-5-906749-96-3

Книга, которую вы держите сейчас в руках, — насто-
ящее чудо. Интересуетесь вы дзэн или нет — не имеет
никакого значения.

Прочтите эту книгу. Впитайте ее.

Это какое-то таинство... Поэзия слов, глубина пере-
данного ими понимания; восторг открытия древней, но
живущей среди нас красоты дзэн; могущество пригла-
шения... Однако каким-то образом происходит нечто
еще большее. Как говорит Бхагван об одном из древних
мастеров, «таков подлинный мастер, приводящий глу-
бочайшую, чистую безмятежность вашего существа в
созвучие с блаженством существования».

Не вначале бывает Слово. Слово приходит тогда, ког-
да вы готовы его принять.

УДК 187.01
ББК 87.8

Copyright © 1988 Osho International Foundation

Ошо — зарегистрированная марка Ошо Интернэшнл Фаундэйшн.
Подробную информацию можно получить на сайте

www.osho.com

Osho International, New York,
oshointernational@oshointernational.com,
www.osho.com/oshointernational

ISBN 978-5-906749-96-3 © ООО Книжное издательство «София», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
Пролог	10
<i>Часть 1. Очисти ум</i>	11
<i>Часть 2. Прозрение</i>	28
<i>Часть 3. Сила</i>	51
<i>Часть 4. Доверие</i>	72
<i>Часть 5. Не–достижение</i>	92
<i>Часть 6. Невинность</i>	106
<i>Часть 7. Источник</i>	125
<i>Часть 8. Заблуждение.</i>	140
<i>Часть 9. Иллюзия</i>	157
<i>Часть 10. Привязанность.</i>	169
<i>Часть 11. Опустошение</i>	191
<i>Часть 12. Не–дуальность</i>	213
<i>Часть 13. Ничто</i>	237
<i>Часть 14. Ясность</i>	253
<i>Часть 15. Таковость</i>	272
<i>Часть 16. Перед поиском.</i>	286
<i>Часть 17. Никакой цели.</i>	306
<i>Часть 18. Никакой вины</i>	321
<i>Часть 19. Сияние</i>	341
<i>Часть 20. Огорчения</i>	358
<i>Часть 21. Понимание.</i>	374

Часть 22. Свидетельствование	385
Часть 23. Так близко	406
Часть 24. Неизбежное	421
Часть 25. Два пробуждения	434
Часть 26. Бессловесное	449
Часть 27. Просто быть	463
Часть 28. Бездумье	480
Часть 29. Вера	492
Часть 30. Радикальное	506
Часть 31. Освобождение	520
Часть 32. Бесстрастие	535
Часть 33. Безмятежность	547
Часть 34. Просветление	562
Часть 35. Разрыв	575
Часть 36. Сострадание	591
Часть 37. Это мгновение	602
Часть 38. Трансформация	619
Об авторе	636
Международный центр медитаций ОШО	637

*Посвящается Свами Ананду Майтрейе,
еще одному интеллектуалу, который
стал просветленным 11 июня 1984 года
и ушел в вечный сон 17 июля 1987 года*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сезон дождей в этом году запаздывал. Быть может, по этой причине дожди, время от времени выпадавшие в июле и августе, были такими желанными, так глубоко освежали, так радовали наши сердца.

Для всех, кто присутствовал в те дни на беседах просветленного мастера Бхагвана Шри Раджниша, магия дождей просто отражала магию присутствия Бхагвана... Казалось, сущее *обязано* было осыпать мир дождем, отвечая на изысканные дары, которыми Бхагван осыпал нас.

Каждая из этих бесед по сутрам Да Хуэя, учителя дзэн, жившего за 1500 лет до нас, давала нам переживание огромной свежести, раскрытие каждого робкого побуждения к божественному, словно это было омовение, новое начало... вкус безмолвия и экстаза. Так и остались в памяти те дожди и беседы, слившиеся воедино.

Верно и то, что, с дождем ли, без дождя, — таков почерк мастера, этого особого Мастера. Но это другая история...

Вернемся к книге: вот маленькое чудо. Каждая лекция сама по себе драгоценность, но собранные вместе, они становятся бесценными — ибо показывают путь Да Хуэя от познания к *Знанию*, от ума к *не-уму*, а по существу — от учителя к *мастеру*; такое путешествие воодушевит любого искателя.

Вся история счастливо заканчивается просветлением Да Хуэя, но на своем пути он не раз попадает в ловушки. Да Хуэй — выдающийся, яркий молодой монах; его приветствуют как великого учителя: кажется, он так хорошо понимает и точно интерпретирует слова мастеров прошлого. Прельщенный всеобщим одобрением, Да Хуэй падает в глубокую яму самообмана и нечестности — неизбежный удел тех, кто пытается сохранить ложный образ.

Ошо ясно показывает, как Да Хуэй неверно понимает и неверно истолковывает сутры Будды и других мастеров — он просто знаком с их словами, он говорит не из собственного опыта.

Но именно в те минуты, когда кажется, что Да Хуэй вот-вот окончательно утонет в зыбучих песках слепой гордости, проявляется его подлинный разум; и новый свет исходит от его сутр, когда он начинает говорить по существу, *экзистенциаль-*

но, — не из своего знания, а из своего опыта. Об этом прорыве Бхагван сказал так:

«Что касается пробуждения, то очень легко определить, говорит человек интеллектуально или экзистенциально. Сейчас Да Хуэй говорит экзистенциально, из своего опыта. Это было великое паломничество не только для него, это было великое паломничество для всех вас. Смотрите, как интеллект способен превратиться в просветление, как обычный ум может измениться в не-ум, как смертное может стать бессмертным, — смотрите, это и *ваша* история».

Вершинами в этих беседах были для меня притчи дзэн. Дав нам контекст дзэн, его фокусировку на пустоте, его медитации на неразрешимом коане, а затем просто изложив сцену каждого эпизода, каждого диалога, Бхагван оживляет все изумительные ощущения мастера и ученика, и устанавливается совершенная по простоте фокусировка на просветлении, на переживании события — будь то щелчок пальцами, крик или вышвыривание из окна! Притчи эти стали так насыщены, так остры, сострадательная восприимчивость мастера и отклик ученика так трогательны... изысканная тонкость дзэн приходит к нам *здесь сейчас*.

Это какое-то таинство... поэзия слов, глубина переданного ими понимания; восторг открытия древней красоты дзэн, которая и сейчас живет среди нас; могущество приглашения... Но каким-то образом происходит нечто еще большее. Как говорит Бхагван об одном из древних мастеров, «таков подлинный мастер, приводящий глубочайшую, чистую безмятежность вашего существа в созвучие с блаженством существования».

И еще были другие мгновения — совсем как когда начинается дождь. К нам приходит такое спокойствие... Бхагван начинает говорить снова, мягко и ласково: «Ты одно с этим безмолвием... и как изумительно это, как чудесно. Неужели ты думаешь, нужно что-то еще, чтобы радоваться, плясать и петь?»

Вкушай это присутствие, это океаническое сознание, это высшее безмолвие. Если слова затронут тоску и стремление в твоём сердце, не сомневайся... мастер, который произнес их, пришел и к тебе.

Если ты испытываешь жажду, оставь колебания: приходи и раздели.

*Ма Прем Таранга
Пуна, Индия, декабрь 1987 г.*

ПРОЛОГ

Из «Записей Синего Утеса» Юань У, учителя Да Хуэя

Учитель не пожелал предложить слово объяснения, но заставил Да Хуэя выразить собственный взгляд. В каждом случае Да Хуэй в совершенстве постигал утонченный смысл. Старый мастер воскликнул: «Ты, очевидно, тот, кто пришел снова!»

Юань У сказал Да Хуэю: «Нелегко было тебе добраться до этой ступени — очень плохо, что, умерев, ты не способен возвратиться к жизни. Без сомнения, слова и фразы — великая болезнь, но разве ты не читал:

*Повиснув на скале,
отпусти — и согласишься
принять опыт.
После исчезновения
возвращайся к жизни —
я не мог обмануть тебя».*

Да Хуэй получил багряную тогу и имя «Будда Солнце» в знак императорской почести. Император Сяо Цзун даровал ему титул «Чаньский Мастер Великой Мудрости», от которого и происходит имя Да Хуэй.

Шел тысяча сто шестьдесят третий год. На девятый день восьмого месяца, после появления признаков болезни, Да Хуэй сказал собранию монахов, монахинь и мирян: «Завтра я ухожу».

Перед рассветом прислужник Да Хуэя спросил его о стихе. Серьезным голосом Да Хуэй произнес: «Без стиха я не мог умереть». Он взял кисть и написал:

*Таково рождение
Такова смерть
Стих или без стиха
К чему суета?*

После этого он выронил кисть и ушел.

1 | ОЧИСТИ УМ

Возлюбленный Мастер,

Очисти ум (Ли Сянь Ченю)

Будда говорил: если желаешь знать мир буддовости, ты должен сделать свой ум таким же чистым, как пустое пространство, и, оставив ложное мышление и всяческое схватывание далеко позади, позволить уму беспрепятственно двигаться куда угодно. Мир буддовости — это не какой-то внешний мир, где есть официальный «Будда», это мир мудрости пробудившегося мудреца.

Если ты решил, что желаешь познать этот мир, тебе не нужны украшения, культивирование или реализация, чтобы достичь его. Ты должен соскрести пятна скорби от чужих ощущений, застрявших в твоём уме неизвестно с каких времен, и пусть твой ум станет таким же широким и открытым, как пустое пространство, пусть он полностью освободится от цепких когтей различающего интеллекта, и пусть твои ложные, нереальные, тщетные мысли тоже станут подобными пустому пространству. Тогда этому удивительному уму не понадобятся усилия — ему не будет преград, куда бы он ни обратился.

Бездумие (Хун По Чуну)

Досточтимый древний говорил: «Чтобы найти быка, ищи его следы. Чтобы изучить путь, ищи бездумие. Там, где следы, должен быть и бык».

Путь бездумия легко разыскать. Так называемое бездумие не равнозначно инертности и неведению, которые свойственны земле, дереву, черепице или камню; оно означает, что ум отрегулирован и невозмутим во время контакта с ситуациями и встречными обстоятельствами, что он неизменно чист, ни за что не цепляется, движется без помех и препятствий; что он незапятнан, но не замкнут в своей незапятнанности. Ты

смотришь на тело и ум как на грезы и иллюзии, но не обрекаешь себя на вечную пустоту грез и иллюзий.

Только когда подобное состояние достигнуто, можно говорить о подлинном бездумии. Нет, это не бездумие пустой болтовни: если ты не обрел подлинного бездумия и просто исходишь словоговорением... чем это отличается от извращенного чань «безмолвного озарения»?

«Стремись к корню, не беспокойся о ветвях».

Очищение, пустота такого ума и есть корень. Когда ты достиг корня, достиг главного — все языки и знания и все, что ты делаешь каждый день, все твои реакции на людей и попытки приспособиться к обстоятельствам в связи с многочисленными расстройками и переживаниями — радостными или печальными, хорошими или плохими, благосклонными или враждебными — все это тривиальные дела, ветви. Если ты способен непринужденно осознавать и знать в то время, как на тебя обрушиваются всяческие обстоятельства, — значит, нет ни недостатка, ни излишка.

Да Хуэй, великий учитель дзэн, происходит из той же генеалогической линии, что и Бодхидхарма. Он родился через четыреста лет после того, как Бодхидхарма ушел в Гималаи, ушел, чтобы исчезнуть там в вечных льдах и вечном безмолвии.

Я назвал Да Хуэя великим учителем дзэн — не мастером... Это нужно как следует объяснить. Мастер — тот, кто просветлен. Но порой случается так, что мастер может быть просветленным, но недостаточно красноречивым, чтобы выразить то, что он познал. Это совершенно другое искусство.

Учитель не просветлен, но он очень выразителен. Он может высказывать то, что мастер не может облечь в слова, хоть мастер и знает.

Учитель может высказывать это, хоть он не знает.

Учитель слышал... он жил с просветленными людьми, он впитывал их энергию, его осыпали их цветы. Он вкушал то, что они излучали, поэтому он уверен, что совершается нечто вроде просветления; но ему не хватает собственного авторитета: его авторитет — заимствованный. А если учитель гениален, ему почти удастся выразить такие вещи, о которых мастера говорить не умели, а может быть, просто помалкивали.

Учитель полезен по-своему. Он более доступен людям — он принадлежит людям. Мастер — на высокой, залитой солнцем вершине. Даже если он крикнет оттуда, лишь эхо достигнет людских ушей. Но учитель живет среди людей, знает их жизнь, знает их язык, знает, как нужно выразить мысль, чтобы они смогли понять. Мастер всегда связан со своим переживанием, а учитель больше связан с людьми и ему надлежит распространять послание.

А случается и так, что мастер вообще не может передать свое знание. Рамакришна, например, был человеком просветленным, но совершенно необразованным: он ничего не знал о великой литературе, не знал, что говорили другие просветленные люди. Он переживал красоту своего внутреннего существа, но был в полном неведении, как передать это другим. Ему пришлось попросить другого человека, Вивекананду, который не был просветленным, но был великим гением — очень разумным, рациональным, логичным, интеллектуальным, сведущим, хорошо образованным. Вивекананда стал выразителем знания Рамакришны. Он объездил мир, распространяя его послание.

Все то, что существует сегодня как «Миссия Рамакришны», — целиком работа Вивекананды; но сам Вивекананда умер в ужасных страданиях. Агония была тем более мучительной, что он распространял добрые вести экстаза, но внутри был пустым. Все его послание было только словами, но он справился с этим так талантливо, что многие стали считать его просветленным.

То же самое произошло с Да Хуэем. В свои шестнадцать лет он был на редкость разумным; и он оставил мир и уже через год послушничества был посвящен в монахи — ему было всего семнадцать... А потом он шел от мастера к мастеру, искал настоящего просветленного человека, который показал бы ему путь.

Он нашел своего мастера в Юань У. Похоже, это почти та же ситуация: Юань У знает, но не может высказать. Да Хуэй не знает, но может высказать. Просто живя с мастером, впитывая его энергию, наблюдая его грациозность — как он прогуливается, как садится, как подолгу молчит...

Изредка, время от времени, Юань У произносит слово или фразу. Его утверждения собраны в небольшую книжку «Записи Синего Утеса», но их почти невозможно понять. Они кажутся не связанными друг с другом, не относящимися друг к другу; они выглядят фрагментами. Они не образуют системы.

Хотя слова Юань У запечатлены в «Записях Синего Утеса», он никогда не обращался к людям. Он просто попросил Да Хуэя заглянуть в «Записи Синего Утеса» и выразить свое мнение, сказать, что он думает о них. Он не знал, удалось ли ему сказать то, что он хотел сказать, и передавало ли сказанное что-нибудь или же было просто пустым упражнением.

В каждом случае Да Хуэй в совершенстве постигал утонченный смысл. *Старый мастер воскликнул: «Ты, очевидно, тот, кто пришел снова!»*

Говоря это, он подразумевает: «Ты, очевидно, родился почти просветленным, недостает лишь капельку; похоже, ты достигнешь цели уже в этой жизни. Но понял ты мои высказывания безукоризненно».

Это была как будто его печать, когда он сказал: *«Ты, очевидно, тот, кто пришел снова!»* — ты не можешь быть новичком. Ты был на пути много, много жизней; хоть ты и не достиг конечной цели, ты очень близок.

Но мастер не мог быть обманут тем, что Да Хуэй только понимает слова, которые понял бы любой разумный человек столь большого таланта. Юань У снова сказал Да Хуэю: *«Нелегко тебе было добраться до этой ступени»* — ты боролся упорно — *«очень плохо, что, умерев, ты не способен возвратиться к жизни»*.

Ты сможешь понять это, если я сошлюсь на Иисуса, который говорит: «Если не родитесь снова, не поймете истину».

Есть две части пути. Первая часть — позволить своему эго умереть. Это напряженная, трудная, отчаянная часть, потому что ты знаешь только свое эго, тебе неизвестна твоя подлинная сущность. Ты прыгаешь в бездну, не зная, останешься ли в живых; *эту часть* Да Хуэй преодолел. Но вторая часть — воскресение, рождение к своей новой индивидуальности, к своему подлинному существу — не состоялась.

«Нелегко тебе добраться до этой ступени — очень плохо, что, умерев» — умерев как эго — *«ты не способен возвратиться к жизни. Без сомнения, слова и фразы — великая болезнь, но разве*

ты не читал» — и вот прекрасное выражение мастера: Повиснув на скале, отпусти — и согласишься принять опыт.

Вот самая важная часть в нем: *Повиснув на скале, отпусти.*

Это принятие смерти эго. Но не делай это с усилием, с напряжением. Не делай это ради достижения чего бы то ни было, основанного на жадности или амбиции; делай это, просто чтобы обнаружить свою настоящую сущность.

Правильный путь действия — это... *согласись принять опыт.*

Юань У говорит Да Хуэю: ты не согласился принять опыт, поэтому только первая половина завершена. Эго умерло и оставило тебя в чистилище, потому что, отпуская, ты не был полон в этом отпущении. Отпущение тебе удалось — но оно было управляемым; это не было добровольное, стихийное приятие. Ты не наслаждался им. Если бы ты наслаждался, тогда: *После исчезновения возвращайся к жизни — я не мог обмануть тебя.*

Он был немногословным человеком. К сожалению, очень редко и очень немногие люди становятся просветленными, и большинство из этих немногих никогда ничего не говорит: а те, кто говорит хоть что-то, говорят только урывками, к тому же на таком языке... пока ты не просветлен, невозможно постичь смысл. А некоторые не говорят ни единого слова. Они не оставляют никаких следов на прибрежных песках этого берега; они просто исчезают, уходят на другой берег.

Да Хуэй слышит сказанное мастером Юань У: *Повиснув на скале, отпусти — и согласишься принять опыт...*

Если ты можешь отнестись к этому падению в бездну как к празднованию, с радостным сердцем, тогда *после исчезновения возвращайся к жизни* — проблемы нет: ты возвратишься к жизни. Можно сказать, то, что прежде ты принимал за жизнь, не было жизнью; теперь же ты придешь к вечной жизни. Но мост между ними — полное приятие.

Юань У, очевидно, заметил в глазах Да Хуэя какое-то сомнение, какой-то знак вопроса. Вот почему он добавляет: *«Я не мог обмануть тебя».*

Да Хуэй остался с мастером Юань У; он влюбился в мастера. Если мастер смог разглядеть в его уме даже небольшое сомнение и должен был сказать: *«Я не мог обмануть тебя»*, — значит, он пришел к нужному человеку, который смог заглянуть в глубину его существа и точно сказать, что с ним происходит.

Половина его путешествия закончилась, но из-за того, что он не достиг состояния полного приятия, она не была завершена... «Теперь прими полностью — и воскресение произойдет само собой».

Естественно, Да Хуэй должен был усомниться; такова природа интеллекта — сомневаться, а он был очень разумным человеком, молодым, полным сил и принадлежал к категории гениев. Он, очевидно, понял, что мастер разглядел даже невыраженное сомнение в его уме, что именно поэтому он сказал: «Я не мог обмануть тебя».

Он остался с мастером. Слушая мастера, впитывая его дух, его присутствие, постепенно он стал очень красноречивым, хотя просветление, пожалуй, было по-прежнему далеко... Оно даже еще отдалилось, потому что он начал принимать почести от людей — от самого императора и от правительства — как состоявшийся человек. Это очень опасно. Когда ты не состоялся, а правительство признает тебя и тебе даруют высокие почести, может возникнуть обманчивое представление о себе. Ты можешь начать думать: «Вероятно, я просветленный».

Это может случиться по двум причинам. Первая: Да Хуэй узнал, переходя от мастера к мастеру, все, чему обучает дзэн. Так что, если ты услышишь только его слова, тебе очень трудно будет обнаружить, что он не просветленный. Если ты не просветлен, ты будешь не в состоянии заметить неизбежные изъяны, незначительные расхождения — неизбежные потому, что это не его собственный опыт, это просто осколки знаний других мастеров, которые он собрал — собрал с потрясающим искусством. Он почти обманул императорскую власть. Ему воздавали честь как «Будде-Солнцу», как «Солнцу Просветления».

Император Сяо Цзун даровал ему титул «Чаньский Мастер Великой Мудрости», от которого и происходит имя Да Хуэй.

«Да Хуэй» означает «Великий Мастер Мудрости».

Только в последнюю минуту он, кажется, достиг просветления, перед самой смертью, — но он не сказал при этом ничего, лишь написал небольшой стих. Поэтому я назвал его «Великий Учитель» — и он был, безусловно, великим учителем. Он повлиял на миллионы людей; он был великим лидером в том смысле, что каждый, кто вступил с ним в контакт, тут же становился интеллектуально убежденным. Но в нем не

было присутствия; и в нем не было внутреннего безмолвия. По-видимому, только в последний момент он достиг цели, завершил путешествие.

Шел тысяча сто шестьдесят третий год. На девятый день восьмого месяца, после появления признаков болезни, Да Хуэй сказал собранию монахов, монахинь и мирян: «Завтра я ухожу».

Это первое указание на то, что ему известно, когда он умрет. Второе — *Перед рассветом прислужник Да Хуэя спросил его о стихе.*

Это древняя китайская традиция: когда великий мастер умирает, люди просят его написать стих — как последний дар миру, последнее слово.

Серьезным голосом Да Хуэй произнес: «Без стиха я не мог умереть». Он взял кисть и написал:

*Таково рождение
Такова смерть
Стих или без стиха
К чему суета?*

Это и есть в сжатом виде вся философия «таковости» Гаутамы Будды. *Таково рождение...* Нет смысла думать, почему это так: это есть.

*Таково рождение
Такова смерть...*

Нет причины тому, что вы умираете. Потрясающее приятие — это часть философии «таковости». Все, что происходит, человек понимания попросту принимает: таков порядок вещей, такова природа. Ни жалобы, ни недовольства.

*Таково рождение
Такова смерть
Стих или без стиха
К чему суета?*

После этого он выронил кисть и ушел.

Быть может, в тот момент, когда он писал этот стих, он завершил свое путешествие.

Речи, которые приводятся в этой книге дальше, он произносил, когда не был просветленным; но он очень ясно излагал материал обычным людям. Он жил среди мирян, он говорил с обыкновенными людьми, и говорил так, что они его понимали. Вся его деятельность была основана на том, что вели-

кие мастера недоступны людям; они доступны только самым близким ученикам или, возможно, только приверженцам — кто же позаботится о миллионах? Поэтому он и ходил среди людей, и люди были рады ему; потому и император почитал его как великого мастера, как солнце осознания.

Мастера не путешествуют, они не ходят к людям; они знают, что пропасть между ними и обычными людьми слишком велика, почти непреодолима. Пока кто-то не приблизится к мастеру с его согласия, у мастера нет способа преодолеть границы своего существа.

Но Да Хуэй не был мастером; он был очень красноречивым учителем. Он не выражал дзэн; он говорил *о* дзэн. Все, что он собрал... А собрал, надо сказать, очень толково, очень логично.

Только иногда я буду говорить вам, что он совершил ошибку — которая естественна, потому что в себе он не имел того, с чем можно сопоставлять. У него нет другого критерия, кроме собственного разума, логики, рассудка. Но просветление — за пределами ума, за пределами рациональности, за пределами интеллекта. Такого окончательного критерия нет внутри него. Но он и вправду был чрезвычайно умен — хотя и слеп; он не видел света. Он описывает свет так, будто у него есть глаза.

Он только *слышал* людей, у которых есть глаза. Но он собирал каждую крупницу информации. Так что не забывайте: он учитель, но не мастер. И в этом я вижу абсолютное различие.

Учитель — это тот, кто передает знание, которое он собирал, заимствовал у других. Он может быть очень красноречивым. Если перед вами — и мастер, и учитель, то, пожалуй, вы скорее выберете учителя, потому что он более привлекателен для вашего интеллекта и ума.

Мастер выглядит немного безумным. Он прыгает от одного пункта к другому, не создавая систематической философии. Но мастер обладает реальным сокровищем, учитель же только слышал о нем, и как он ни талантлив, все равно остается бедняком.

Сутры:

Будда говорил: если желаешь знать мир буддовости — мир окончательного осознания, — ты должен сделать свой ум таким же чистым, как пустое пространство...

Это еще один способ сказать, что тебе следует двигаться за пределы ума, в состояние не-ума — потому что не существует такой вещи, как пустой ум. Вот почему я говорю, что у него будут изъяны. Пустой ум? Пустое пространство? Человек просветления сказал бы просто: «Тебе следует двигаться за пределы ума к не-уму».

Есть очень известная книга рабби Джошуа Либмана. Миллионы экземпляров ее изданы на разных языках. Красивая работа; называется эта книга «Спокойствие ума». Естественно, каждый желает спокойствия ума.

Я отправил ему письмо в 1950 г., где писал: «Само название вашей книги показывает, что вы ничего не знаете о медитации. Спокойствие ума — это противоречие в терминах: когда есть ум, спокойствия быть не может; а если есть спокойствие, то ума не может быть. Они не могут быть вместе».

Фактически ум — это твоя тревога, твоя боль, твои напряжения, мысли, эмоции, чувства, настроения, удачи и неудачи — все есть ум. Спокойствие возможно, только если ты выходишь за пределы ума.

Поэтому я сказал ему: «Если вы и вправду искренни, в следующем издании вам надо изменить название. Спокойствие равнозначно не-уму».

Я показал ему это многими способами. Но таково положение наших интеллектуалов — он так никогда и не ответил, поскольку отвечать было нечего. Он, конечно, увидел, что то, что я говорю, — факт.

Но я могу простить Джошуа Либмана, потому что он ничего не знает о восточной медитации.

Он американский еврей, и медитация для них — что-то странное. Спокойствие ума?.. Возможно, мое письмо было единственным возражением против названия книги. Я сказал: «Когда название неправильное, я не могу читать книгу, потому что знаю прекрасно: если человек пишет книгу и у нее даже название неправильное, значит, его книга никудашняя. Если вы когда-либо измените название... но не только название — вам придется исправлять всю книгу в соответствии с новым названием».

...и оставив ложное мышление и всяческое схватывание далеко позади...

Сейчас он говорит именно то, что я подразумеваю под не-умом; но тогда не-ум был еще немислим для него. Он есть ум, и все то, что он понял, он понял через ум. И люди, которые слушают его, способны навести мост между его пониманием и своим пониманием потому, что все это умы. Ум может разговаривать с другим умом очень легко.

Так вот, он собрал эти слова — *пустое пространство и оставив ложное мышление и всякое схватывание далеко позади*. Но мне хочется, чтобы вы знали: даже самые разумные люди могут попадать в ловушки. Он говорит: *оставив ложное мышление* — а как же насчет правильного мышления? Человек просветленный просто скажет: «оставьте *всякое* мышление». Мышление как таковое — вот проблема, ложное оно или нет. Ум может представить это так, что неправильное должно быть оставлено, а то, что хорошо, может быть сохранено. Но ты не можешь отделить неправильное от правильного. Они — две стороны одной и той же монеты, у тебя не может быть монеты только с одной стороной — у нее будет и другая сторона.

Если ты защищаешь правильное мышление — все, что, как ты думаешь, правильно, — за ним будет оставаться неправильное мышление. Попробуй, например, «любовь». Конечно, любовь не бывает неправильным мышлением; это одна из наиболее прекрасных эмоций, и мысль о любви — одна из великих мыслей. Но за любовью неизбежно скрывается ненависть, любовь может превратиться в ненависть когда угодно. Правильное мышление может стать неправильным мышлением когда угодно.

Если бы это был его собственный опыт, он бы не говорил: *оставив ложное мышление и всякое схватывание далеко позади*, он бы сказал: оставив *всякое* мышление и всякое схватывание далеко позади, дать своему уму беспрепятственно двигаться куда угодно.

Но это качества не-ума.

Мир буддистов — это не какой-то внешний мир, где есть официальный «Будда»: это мир мудрости пробудившегося мудреца.

Он подобрал верные слова.

Если ты решил... На санскрите и на хинди слово, которое переведено как «решил», гораздо глубже и значительнее. Это

слово «нишчайя». «Решил» несет оттенок упорства, непреклонности. У него есть качество чего-то такого, что относится к эго, вроде «Я решил сделать это». Слово «нишчайя» не имеет этих оттенков.

«*Нишчайя*» — очень красивое слово. Оно подразумевает, что когда ты приходишь к мастеру, то просто его присутствие, его аромат, его глаза, его жесты, его слова, его молчание вызывают у тебя огромное внутреннее доверие. Это не твое решение; это глубокое воздействие просветленного человека на твое сердце.

Вместо «решил» мне хочется сказать, что ты доверился, ты в *нишчайе*, когда никакое сомнение не возникает. Все сомнения исчезли; ты чувствуешь себя совершенно раскованно.

Эта *нишчайя*, или *уверенность*, что ты *желаешь познать этот мир*, — непременно вызывает у тебя тоску, стремление — но не желание. Эти слова могут означать одно и то же в словарях, но на самом деле они очень далеки. Если ты достиг *нишчайи*, тогда — «Вот человек, которому я принадлежу, вот человек, которого я разыскивал целые жизни. Эти глаза я видел в безмолвиях моего сердца, это лицо я искал повсюду в стольких жизнях»... *Нишчайя* — это внезапно, это доверие, которое не знает сомнения. Это не вера: вера — всегда в доктрину. Доверие — всегда к личности.

Ты веришь не в то, что мастер говорит; важно, что мастер *есть*, и именно это вызывает *нишчайю*, доверие в тебе. Такое доверие начнет вырастать в глубокое стремление — тебе тоже захочется вступить в тот же мир осознания, в тот же мир блаженства, в тот же рай, где обитает твой мастер.

...тебе не нужны украшения, культивирование или реализация, чтобы достичь его... твое стремление будет просто становиться все глубже, глубже и глубже. Ты будешь ожидать с огромной любовью. Ты не станешь требовать у сущего: «Дай мне это состояние», — потому что любое требование от сущего уродливо. Ты будешь просто ждать, ты не станешь даже молиться. Ты просто почувствуешь жажду, а сущее достаточно сострадательно. Ты не властен над ним, но если ты просто испытываешь жажду, то обнаружишь, что сущее удовлетворяет ее. Оно, во всяком случае, слышит отлично!

...тебе не нужны украшения, культивирование или реализация, чтобы достичь его. Ты должен соскрести пятна скорби от чужих оцущений, застрявших в твоём уме неизвестно с каких времён, и пусть твой ум станет таким же широким и открытым, как пустое пространство...

Какое противоречие! Если ты говоришь, что твой ум так же открыт, как пустое пространство, это больше не ум. Это как если бы ты говорил: «Когда твой огонь так же холоден, как лед», — тогда зачем называть его огнём? Называй его льдом, и будет правильно! Но для интеллектуала это сложно, он ведь только собирает мнения. И никто не задаст вопрос — потому что никто не знает, что он тоже совершает ошибку.

...пусть твой ум станет таким же широким и открытым, как пустое пространство... Сколько же там пространства? Ты знаешь? Целая Вселенная — вот пустое пространство. Ум не обладает способностью быть настолько широким.

...освободится от цепких когтей различающего интеллекта, и пусть твои ложные, нереальные, тщетные мысли тоже станут подобными пустому пространству.

Но он продолжает проводить различие: ты должен сохранять свои хорошие мысли.

В состоянии абсолютного безмолвия и спокойствия не бывает ни хороших мыслей, ни плохих мыслей. Мысли как таковые — это беспокойство, не важно, хорошие они или плохие. Грешник может держать плохие мысли в своём уме, а святой может держать хорошие мысли в своём уме, но оба — в уме. Нет существенной разницы между ними.

Истинный мудрец, будда, не имеет ума вообще.

Он живет без ума, он действует без ума.

Это исходит из самого его сокровенного существа; потому он и обладает качеством, свежестью, величием. Мысли всегда — пыльные и старые. Мудрец всегда действует заново, не от каких-нибудь старых мыслей. Он отвечает на ситуацию момента. Думать для него нет необходимости. Сравните, как ведет себя слепой человек: если он захочет выйти из этой аудитории, ему придется спросить: «Где путь?» А потом своей тростью он отыщет дорогу и выйдет. Но ты даже не задумываешься об этом, если хочешь выйти; ты просто видишь путь наружу и идешь. Не бывает размышления, связанного с этим, нет, конечно, и трости.

Я слышал о слепом человеке, которому сделали операцию на глазах. Он приехал со своей тростью, а через несколько дней врач снял повязки с его глаз и сказал ему: «Теперь постепенно открывай глаза. Твои глаза совершенно здоровы; отныне ты сможешь видеть».

Тот был ошеломлен: сколь многое он упустил — все краски, солнце, луну, звезды, человеческие лица — всего этого он был лишен. Он поблагодарил врача, но по старой привычке взял свою трость. Доктор сказал: «Для чего ты берешь эту трость? Оставь ее».

А тот сказал: «Как же мне найти дорогу без нее?»

Доктор сказал: «Ты идиот. У тебя же есть теперь глаза, и нет нужды разыскивать дорогу, дорога будет видна и так. Положи свою трость на ту кучу».

Там было множество тростей для ходьбы. Все люди, которых он вылечил, приходили со своими тростями, а он коллекционировал их как сувениры, демонстрируя, скольких людей он излечил. И он сказал: «Это не только ты! Каждый слепой человек, когда я вылечиваю ему глаза, сейчас же хватается свою трость, чтобы двигаться к выходу».

Бессознательная привычка... слишком долго у него была эта трость; он не может поверить, что жизнь возможна без нее.

Та же ситуация у всех, кто прожил с умом миллионы жизней. То был их проводник во всем, что бы они ни пожелали делать. Для ума немислимо, чтобы можно было прожить хоть одно мгновение без него. И все же это только трость для слепого человека.

Есть гораздо большее сознание за пределами ума — настолько широкое, настолько просторное, настолько безмолвное, что тебе не требуется думать. Оно просто отвечает. В уме ты должен обдумывать, что делать и чего не делать. Это всегда вопрос выбора, «или-или».

Как только ты за пределами ума, нет вопроса «или-или». Ты просто знаешь, что должно быть сделано, и делаешь это, и никогда не бывает сожаления. Ты никогда не оглядываешься назад, ты никогда не чувствуешь, что сделал что-то неправильно, — ты не можешь действовать неправильно.

Вот почему я не назвал Да Хуэя великим *мастером*. Я называю его просто великим *учителем*; возможно, в последний

момент он стал просветленным, но — в последний момент. Его поучения были даны до этого события.

Тогда этому удивительному уму не понадобятся усилия — ему не будет преград, куда бы он ни обратился.

Он продолжает использовать слово «ум» для «не-ума». Из-за того что он собирал без внутреннего критерия, вы столкнетесь со множеством противоречий. Во второй сутре, которая называется *Бездумие*, — что же здесь случилось с «умом», о котором он говорил в первой сутре?

Досточтимый древний говорил: «Чтобы найти быка, ищи его следы. Чтобы изучить путь, ищи бездумие. Там, где следы, должен быть и бык». Бык — давний символ для заблудших душ в традиции дзэн, символ потерянной собственной сущности, о которой вы совсем забыли. Бездумие покажет вам путь, покажет вам душу; оно станет стрелой, и вам нужно только следовать за ним без всякого напряжения, без всякого усилия.

Путь бездумия легко разыскать. Так называемое бездумие не означает инертности и неведения, свойственных земле, дереву, черепице или камню; оно означает, что ум отрегулирован... Снова он употребляет слово «ум». Таковы трудности с учителем.

...оно означает, что ум отрегулирован и невозмутим во время контакта с ситуациями и встречаемыми обстоятельствами; что он неизменно чист, ни за что не цепляется, движется без помех и препятствий; что он незапятнан... То есть ум все еще здесь. Тогда зачем он назвал сутру «Бездумие»? Ум опять вернулся. Он отрегулирован, но то, что отрегулировано, может быть разрегулировано в любой момент. Он невозмутим, но то, что невозмутимо, может и возмутиться.

...ни за что не цепляется... — но он есть. А цепляться — его давняя привычка; он может начать цепляться завтра, если не сегодня. Он может отцепиться.

...но неизменно чист... движется без помех и препятствий; что он незапятнан... Если он есть, то у него есть все возможности быть запятнанным. «Бездумие» — это правильное слово для объяснения чистого пространства, без каких-либо уверток.

...но не замкнут в своей незапятнанности. Ты смотришь на тело и ум как на грезы и иллюзии... Посмотрите, его ум беспрерывно колеблется; все эти утверждения он, очевидно, собирал у различных людей. Некоторые могли быть просвет-

ленными, некоторые могли быть лишь учителями, некоторые могли быть просто учеными людьми. Он сделал хорошую коллекцию — но я вижу, что в ней есть несовместимости.

...Ты смотришь на тело и ум как на грезы и иллюзии...

Если ум и тело — иллюзии, зачем же тогда делать их широкими, делать их просторными, делать их нецепляющимися? Если они подобны грезам или иллюзиям, пробудись — и им конец. Такое бодрствование и есть бездумие.

...но не обрекаешь себя на вечную пустоту грез и иллюзий. Только когда подобное состояние достигнуто, можно говорить о подлинном бездумии.

Он все запутал! Может, он и был полезен тем, что вел людей к мастерам, но сам он еще не понимает того, о чем говорит.

Нет, это не бездумие пустой болтовни: если ты не обрел подлинного бездумия и просто исходил словоговорением — именно это он делает, — чем это отличается от извращенного чань «безмолвного озарения»? Эти люди совершили массу ошибок из-за своей привязанности к определенной школе. Вон и он привязан к определенной школе — Махаяна тоже имеет различные секты. Сначала буддизм разделился на две секты, Махаяну и Хинаяну; потом и они начали делиться на различные секты. Всего у них теперь тридцать шесть сект. Непросветленный человек постоянно защищается, критикует другие секты.

В Китае была секта, которая называлась «Секта Безмолвного Озарения». Я не вижу в этом смысла — всякое озарение происходит в безмолвии.

Безмолвие *и есть* озарение.

Но люди сражаются из-за слов: поскольку они назвали это не просветлением, а озарением, произошел разрыв. Но ведь так легко понять, что оба слова означают одно и то же. «Озарение» или «просветление» — оба просто декларируют, что тьма исчезла. Какое из названий ты предпочтешь — несущественно.

«Стремись к корню, не беспокойся о ветвях» — он явно получил это от просветленного мастера. *«Стремись к корню, не беспокойся о ветвях»* — ведь если ты подрежешь корень, все дерево усохнет. Просто обрезать ветви... это ничего не даст: наоборот, листва может стать гуще.

Очищение, пустота такого ума и есть корень.

Не просто очищение... Во-первых, нет способа очистить ум. Ты не можешь управлять своим умом. Он продолжает сам по себе наполняться грезами, мыслями, эмоциями, чувствами, реакциями, печалью, счастьем — и нет способа очистить его. Как ты собираешься очищать его? С одной стороны ты будешь очищать его, а с другой стороны огромный поток продолжит вливаться. Единственный путь очистить его — выйти за его пределы, стать осознанием.

Наблюдай ум — и ум исчезает.

Когда ты достиг корня, достиг главного — все языки и знания и все, что ты делаешь каждый день, все твои реакции на людей и попытки приспособиться к обстоятельствам в связи с многочисленными расстройками и переживаниями — радостными или печальными, хорошими или плохими, благосклонными или враждебными — все это тривиальные дела, ветви. Если ты способен непринужденно осознавать и знать в то время, как на тебя обрушиваются всяческие обстоятельства, — значит, нет ни недостатка, ни излишка. Это одно из самых важных переживаний Гаутамы Будды. Он говорит, что если ты находишься посередине между любимыми двумя противоположностями — ищи именно середину, ни недостатка, ни излишка — если ты точно посередине, ты выйдешь за пределы.

Середина — это и есть за пределами. Если ты пойдешь к крайности, то станешь цепляться за нее; из крайности ты не можешь выйти за пределы. Это стало великим вкладом в духовную науку, открытием для человечества — то, что середина за пределами. Просто держись в равновесии посередине, и внезапно ты увидишь, что поднялся над обеими крайностями — ни хороший, ни плохой; ни обыкновенный, ни необычайный; ни знающий, ни невежда.

За пределами — это и есть его нирвана. Думая об этом, ты уже испытываешь грандиозное спокойствие. Только визуализируя это, ты чувствуешь, как великое безмолвие нисходит на тебя. И это только визуализация — что же будет, если ты на самом деле придешь к середине? Вы и представить себе не можете этот экстаз, эту благодать, это благословение.

Я выбрал Да Хуэя, чтобы помочь вам понять различие между учителем и мастером, — многие религии потеряли сво-

их мастеров. Например, джайнизм в Индии столетиями не имел ни мастеров, ни просветленных личностей вообще — только учителей.

Без просветленных существ религия лишается своей души. Всего лишь небольшой поток просветленных людей поддерживает дыхание религии и биение ее сердца, сохраняет ее живой, цветущей.

А просветленный человек — это не просто отдельный феномен; он распространяет свое озарение повсюду. Где бы он ни был, он несет некое энергетическое поле, и всякий, кто восприимчив, будет втянут в это энергетическое поле. Учитель не обладает энергетическим полем. Он просто механически повторяет, подобно попугаю.

Но Да Хуэй, несомненно, был великим учителем, потому что он собрал... он обошел дюжины просветленных мастеров. Он был очень молод, когда его инициировали в монашество, и он собирал, как пчела собирает мед, от тысяч цветов. С другой стороны, он был очень беден; он не вложил ничего от собственной сущности. Но я счастлив, что хотя бы в конце, в самом конце своей жизни он стал просветленным.

Его небольшой стих, несомненно, прекрасен: *Таково рождение* — просто случай в какой-то грезе. *Такова смерть* — просто случай в каком-то сне. *Стих или без стиха. К чему суэта?*

Он вступил в мир окончательной безмятежности и безмолвия. Не важно, жизнь это или смерть. Не важно, следует он традиции и пишет стих или не пишет его.

После этого он просто выронил кисть и ушел... отошел в вечное существование. Не важно, *когда* ты становишься просветленным. Даже если ты становишься просветленным на последнем своем дыхании, это в высшей степени хорошо. Ты не потерял ничего. Ты видишь всю прожитую тобою жизнь как грезу.

А как только ты видишь всю свою жизнь как сон, она утрачивает всякое влияние на тебя. Ты становишься совершенно свободным — свободным от ограничений тела и ума, свободным от всех ограничений вообще. Ты готов вступить в беспредельное сознание самого сущего.

— Хорошо, Маниша?

— Да, Мастер.

2 | ПРОЗРЕНИЕ

Возлюбленный Мастер,

Сторожи быка

Если уж ты изучаешь этот путь, то никогда — в своих столкновениях с людьми и реакциях на обстоятельства — ты не должен позволять неправильным мыслям задерживаться. Если ты не умеешь видеть сквозь них, то, как только неправильная мысль появляется, ты должен быстро сконцентрировать ментальную энергию, чтобы отвести себя прочь от этой мысли. Если ты всегда поддаешься таким мыслям и позволяешь им беспрерывно тянуться, то это не только загрождает Путь, но и делает из тебя человека без мудрости.

В давние дни Гуй Шань спросил Ленивого Аня: «Какую работу ты выполняешь за двадцать четыре часа в сутки?»

Ань сказал: «Сторожу быка».

Гуй Шань спросил: «Как же ты сторожишь его?»

Ань сказал: «Всякий раз, когда он забирается в траву, я вытаскиваю его назад за нос».

Гуй Шань сказал: «Ты и вправду сторожишь быка!»

Люди, которые изучают путь, в своем контроле над неправильными мыслями должны быть подобны Ленивому Аню, стерегущему быка; в этом случае само собой происходит полноценное созревание.

За чужой лук не берись

«За чужой лук не берись, на чужого коня не садись, в чужие дела не вмешивайся». Такая банальная поговорка тоже может послужить поводом для вступления на Путь. Изучай себя постоянно: что ты делаешь с утра до вечера, чтобы помочь другим и помочь себе? Если ты замечаешь хоть малейшую привязанность или теряешь чувствительность, ты должен предостеречь себя. Не будь беззаботным на этот счет!

В давние дни чаньский мастер Дао Линь жил на высокой сосне, на горе Чинь Ван; люди того времени звали его «Монах Пти-

чье Гнездо». Когда министр Бо Чжу-и был командующим Чень Тана, он предпринял специальное путешествие к горе, чтобы посетить мастера.

Бо сказал: «Там, где ты сидишь, чаньский мастер, очень опасно».

Мастер сказал: «Для меня опасность, может быть, и очень велика, министр, но для тебя она еще больше».

Бо сказал: «Я — командующий Чень Тана: в чем здесь опасность?»

Мастер сказал: «Топливо и огонь объединились, сознанию и личности нет места. Как же ты можешь не быть в опасности?»

Бо также спросил: «В чем полный смысл буддийского учения?»

Мастер сказал: «Не совершать ничего дурного, практиковать все добродетели».

Бо сказал: «Даже трехлетний ребенок может сказать это!»

Мастер сказал: «Хотя трехлетний ребенок и может сказать это, восьмидесятилетний человек не может этого выполнить».

Тогда Бо поклонился и уехал.

Сторожить быка — самый древний символ в истории дзэн. В Китае есть десять картин; десятая картина послужила причиной великого спора. Мне хочется, чтобы вы поняли эти десять картин и спор прежде, чем мы приступим к проповеди Да Хуэя о присмотре за быком.

Эти десять картин чрезвычайно прекрасны. Первая: бык потерян. Человек, которому принадлежит бык, просто стоит, озираясь вокруг в дремучем лесу, и не видит, куда подевался бык. Он озадачен, он в смятении. Становится поздно, солнце садится; скоро наступит ночь, и тогда идти в лесную чащу и искать быка станет еще труднее. На второй картине он обнаруживает следы быка. Он чувствует себя немного счастливее: кажется, появилась возможность найти быка — он обнаружил следы. Он идет по следам.

На третьей картине он видит спину быка, стоящего в чащобе. Быка трудно увидеть, но владелец догадывается, что это спина *его* быка. На четвертой он добрался до быка; теперь он видит быка, всего целиком. Он радуется. На пятой картине он хватается быка за рога. Требуется громадные усилия, чтобы

привести его назад домой, но человек побеждает. На шестой картине он верхом на быке возвращается к себе домой. Это замечательные картины! На седьмой картине бык привязан в стойле. На восьмой картине человек так преисполнен радости, что принимается играть на флейте. Девятая картина — пустая рамка, ничто там не нарисовано.

На десятой картине, которая стала причиной больших споров, человек идет с бутылкой вина к базару, почти пьяный. Посмотрите: он едва идет. Эта десятая картина вызвала огромную дискуссию, которая не прекращается уже две тысячи лет.

Одна секта, большая секта Махаяны, верит, что девятая картина — последняя. Она изображает не-ум; ты достиг цели. Бык есть твоя глубочайшая сущность, которую ты потерял, а вся серия картин — это поиск твоей внутренней сущности. Ты нашел свою сущность на девятой. Это необъятное безмолвие и спокойствие. Это нирвана, это не-ум.

За пределами девятой... Люди, которые говорят, что это конец путешествия, считают, что кто-то прибавил десятую картинку, которая кажется совершенно неуместной. Но члены небольшой секты дзэн верят и в десятую картину тоже. Они говорят, что, когда человек становится просветленным, это не конец. Это высочайший пик сознания, это величайшее достижение, но человек должен вернуться к человеческому миру, к обычному миру. Он должен снова стать частью большого человечества. Только тогда он может поделиться, только тогда он может побудить других к поиску. И, конечно, когда он приходит с такой высоты, то совершенно опьянен экстазом. Та бутылка вина — это не обычное вино. Это просто символ экстатического состояния.

Когда эти картины повезли в Японию — это было двенадцать или тринадцать веков назад, — то взяли только девять из них. Десятая внушала беспокойство; ее оставили в Китае.

Я был в недоумении, когда впервые взглянул на японские картины. Они выглядят завершенными. Раз ты достиг нирваны, то чего же еще? Но потом я обнаружил в старой китайской книге десять картинок. Я был чрезвычайно счастлив, что у кого-то две тысячи лет назад было прозрение: будда — не будда, если он не может вернуться к обычным людям, если он

не может стать снова всего лишь простым, невинным человеком, несущим свою нирвану, свой экстаз в бутылке с вином. Совершенно опьяненный божественным, он все же идет к базару.

Я видел, что тот, кто нарисовал десятую картину, был прав. До девятой — это просто логика. После девятой — десятая — великое постижение.

Я считаю, что до девятой человек только будда; с десятой он к тому же становится Зорбой. Это и была моя постоянная забота: я утверждал, что десятая картина подлинная, и если бы ее не было, то я нарисовал бы ее. Без нее переход в *ничто* выглядит немного унылым, выглядит уж слишком серьезным, выглядит пустым.

Столько усилий, чтобы искать себя, медитировать, чтобы выйти за пределы ума, постичь свое существо — и закончить в пустыне «Ничто»... нет, должно быть что-то большее; после этого должно быть что-то еще: там распускаются цветы, там возникают песни, там танец возможен снова — конечно, на совершенно другом уровне.

Но эти картины о поисках быка оказались чрезвычайно важными для объяснения всего пути, шаг за шагом.

Да Хуэй говорит: *Если уж ты изучаешь этот путь...* Помните, я говорил о Да Хуэе, что он — учитель; ведь никакой мастер не станет использовать слово «изучение». Мастер скажет: «Если уж ты следуешь этому пути, если уж ты на этом пути...» Изучение? Это не путь искателя; это путь любопытного студента, который хочет узнать что-то — больше информации, больше знаний, — но который на самом деле не заинтересован в собственной трансформации.

Но Да Хуэй — учитель. Хотя он и старается всеми возможными средствами принять позу, подобающую мастеру, он не может обмануть никого, кто просветлен. Здесь и там — увертки; но он и представить себе не может, что они выявят — его мастерство обычное лицемерие. Абсолютно корректно было бы, если бы он сказал: «Я только учитель». Но он не говорит этого. Когда есть возможность быть признанным как мастер — даже император принимает его как Великого Мастера чань, — он хранит молчание. Он явно знал — потому что производит впечатление очень разумного человека, — он

явно осознавал, что он не мастер. Он очень хороший учитель, и мне хочется, чтобы вы в любой момент помнили, как он выдает свое неосознание.

Если уж ты изучаешь этот путь... Изучение относится к студентам. Искатель не изучает путь, искатель увлекается. Он участвует в паломничестве. Он паломник, он не студент. У него нет желания узнать о пути; он хочет достичь цели — путем или не путем... Он хочет возвратиться к себе домой.

Если уж ты изучаешь этот путь, то никогда — в своих столкновениях с людьми и реакциях на обстоятельства — ты не должен позволять неправильным мыслям задерживаться. Если ты не умеешь видеть сквозь них, то, как только неправильная мысль появляется, ты должен быстро сконцентрировать ментальную энергию, чтобы отвести себя прочь от этой мысли. Если ты всегда поддаешься таким мыслям и позволяешь им беспрерывно тянуться, то это не только заграждает Путь, но и делает из тебя человека без мудрости.

...то никогда — в своих столкновениях с людьми и реакциях на обстоятельства — ты не должен позволять неправильным мыслям задерживаться. Снова увертка. Вопрос не в неправильных мыслях или правильных мыслях; все мысли неправильны, если это касается выхода за пределы ума. Он даже не осознает, что правильное и неправильное никогда не бывают разделены; они всегда вместе.

Можешь ты отделить любовь от ненависти? Миллионы пытались, но ни одному не удалось, потому что это — против самой природы вещей.

Можешь ты отделить темноту от света? Хоть они и выглядят такими разными, научные исследования света и темноты по отдельности доказали бы лишь нечто абсурдное. Различие между темнотой и светом только в степени. Темнота означает просто меньше света, а свет означает просто меньше темноты.

Вот почему существуют животные вроде сов и других, для которых ночь — как день. Их глаза видят лучше, чем наши, поэтому даже при малом освещении — что выглядит для тебя как темнота — для них все наполнено светом. Их глаза способнее наших глаз. Днем они не могут открыть глаз — они так чувствительны, что дневной свет их ослепляет. При свете дня их глаза просто закрыты; естественно, они видят темноту.

Когда для тебя день, для сов это ночь. А когда у тебя ночь, для сов это — день, сплошной свет.

Так что различие между светом и тьмой только в степени. Не может быть света без темноты, не может быть Бога без дьявола.

Странно то, что религии, которые верят в Бога, автоматически верят и в дьявола тоже. Они вынуждены, это просто логическая необходимость. А религии, которые не верят в Бога, не верят и в дьявола. Например, в джайнизме нет Бога, поэтому там нет и дьявола. Просто нет вопроса. Но все религии, которые верят в Бога, должны принять и его противоположность — дьявола.

Откуда эта необходимость? Дело в том, что сущему всегда нужна полярность. Рождение поляризовано смертью, любовь поляризована ненавистью, сострадание поляризовано жестокостью. Оглянись на жизнь. Все имеет свою противоположность, и если ты убираешь противоположность, то и другая тоже исчезнет. Они могут существовать только вместе.

Что такое хорошая мысль и что такое плохая мысль? И как ты можешь разделить их? Учитель не знает, что в последнем приближении к собственному существу необходимо, чтобы исчезли все мысли — не имеет значения, хорошие они или плохие. Мы не говорим здесь о морали; мы говорим здесь о подлинной религии.

Конечно, в основах морали есть хорошие мысли и плохие мысли, и все они произвольны. Например, для мусульманина иметь четырех жен — не плохая мысль, но для всех остальных людей в мире сама идея иметь четырех жен — уже плохая мысль.

Для древних индуистов даже женщина с пятью мужьями не была плохой мыслью; женщине, которая имела пятерых мужей, поклонялись как одной из пяти великих женщин Индии! Конечно, пять мужей число не подходящее, потому что остается уик-энд — что делать с уик-эндом? Пять дней подряд бедной женщине приходилось менять мужей, а два дня были просто выходными. Так что уик-энд — это не что-то новое и американское; это очень древнее и индийское! Никто не осудил этого как уродливую ситуацию. Никакой индусский

мыслитель, философ или теолог не осудил этого; это было приемлемо.

Юдхиштхира, старейший из пяти братьев, которые разделяли одну жену, считался индуистами одним из самых религиозных людей, когда-либо живших на Земле. Его нарекли Дхарма-радж — король религиозности. А этот парень, Юдхиштхира, был заядлым игроком; он так играл, что поставил на кон все свое царство, всю свою казну, и в конце концов он поставил даже жену!

Все пятеро братьев присутствовали — и согласились. И никто не осудил этого. Юдхиштхиру до сих пор называют одним из величайших религиозных людей — а он обошелся с этой женщиной хуже, чем с животным, как будто женщина была просто вещью, частью собственности, вроде мебели, которую можно и проиграть.

Так что же правильно?

Для мусульман Коран — это их священный источник, а Коран говорит, что Бог сотворил всех других животных человеку для пищи. Теперь, если Бог говорит так, нет вреда в том, чтобы есть животных. За исключением человека, всех животных можно забивать и есть безо всяких проблем. Вопрос о насилии даже не возникает.

Затем есть джайны. Их монахи надевают себе на нос маску, потому что, когда ты выдыхаешь, воздух становится горячим, а в атмосфере существуют очень крошечные невидимые живые клеточки, которые горячий воздух может убить. Чтобы защитить те клеточки, которые даже нельзя разглядеть, они все время держат нос под повязкой, чтобы к тому времени, как воздух выйдет через повязку наружу, он больше не был горячим; повязка препятствует и охлаждает его. Ну, кто же прав?

Есть индуистские монахи, которые обривают себе голову, усы, бороды — каждый волосок должен быть удален. Причина в том, что они считают волосы мертвыми частями тела. В чем-то они правы. Мертвые клеточки тела отбрасываются беспрерывно. Вот почему, когда ты срезаешь волосок, тебе не больно. Если бы они были живыми, ты почувствовал бы боль. Так что волосы так же мертвы, как любой труп. Зачем носить мертвые волосы? Индуисты и их монахи удаляют их. Если ты посмотришь на разных людей, разные традиции, ты

будешь просто поражен. Но как решить, что правильно и что неправильно?

В Китае даже поедать змей не считается чем-то удивительным. Более того, это один из самых изысканных видов пищи. Нужно только отрубить змее голову, потому что в ней яд: небольшая железа с ядом находится у змеи во рту. Они отрубывают голову, а остальная часть — ну прямо вегетарианская. Если ты гость в китайском доме, они уж точно подадут вам ее, просто в знак приветствия, и те, кто ел, говорят, что это восхитительно.

Нет ни одного животного, птицы, насекомого, которое где-нибудь да не едят. Это вызовет у вас отвращение — что там за люди? Но традиционно они приняли это как правильное, а раз что-то признается правильным, оно становится правильным для той традиции, тех людей. Они просто посмеются над тобой — ты упускаешь такую замечательную пищу.

В Древней Индии, и даже теперь в Южной Индии, храмы — это не что иное, как публичные дома. Таков был обычай: каждый должен пожертвовать свою старшую дочь Богу, а Бог — это просто каменная статуя; священник эксплуатирует несчастную женщину сексуально — во имя Бога. Множество женщин собираются при храме, и богатые люди начинают посещать храм. Этих женщин называли девадаси, слуги Божьи, но их настоящая функция — привлечь богатых людей к храму. Они функционируют как религиозные проститутки, и благодаря им храм становится богаче.

Ты будешь поражен, узнав, что всего несколько дней назад в Бомбее проводился осмотр проституток. Тридцать процентов оказались девадаси из храмов Южной Индии: дело в том, что если священнику попадается достаточно красивая девушка, то выгоднее продать ее на бомбейском базаре, чем содержать при храме. Таким путем священник может получить приличную денежную сумму. Тридцать процентов девушек, которые были пожертвованы Богу, попали на базар проституток в Бомбее. И никакой индуист не возразил против этого — даже сегодня. Правительство не обращает на это никакого внимания. Так продолжается, потому что никто не хочет никого раздражать, никто не хочет никому досаждать. Каждый старается выглядеть хорошим в глазах остальных людей.

Миллионы женщин в этой стране были сожжены заживо! Они должны были умирать со своими мужьями; им приходилось прыгать в погребальный костер к умершему мужу. Это было названо традицией *сапти*. Женщин, которые выполняли такое самоубийство — очень мучительное самоубийство, называли великими женщинами, очень религиозными женщинами.

Но подлинная идея за всем этим была не религиозной, не было ничего хорошего в ней. Подлинная идея за всем этим была такой, что мужчина не хотел, чтобы его жена, когда он умрет... кто знает? Вдруг она влюбится в кого-то еще. Он хочет сохранить ее как свою собственность даже после смерти. Так что единственный способ — ведь покидая ее, он не может доверять ей — заключается в том, что она тоже должна умереть вместе с ним, просто для удовлетворения его мазохистской, мужской, шовинистической глупой идеи быть собственником.

Таких женщин почитали, им создавались мемориалы. Я спрашивал шанкарачарьев, ученых и мудрых индусских монахов: «В таком случае, почему же ни один мужчина за всю историю не прыгнул к своей жене, когда та умерла?» И им нечего было ответить. Они просто выглядели смущенными, они хотели переменить тему. Но со мной очень сложно переменить тему! Я сказал: «Если это что-то великое, тогда мужчина сам оказался *ниже*, чем женщины».

Но истина в том, что мужчина всегда считал, что он хозяин, а женщина — это имущество. Зачем ему умирать ради имущества? У него может быть столько женщин, сколько он захочет.

Фактически, в Древней Индии женщин продавали на базарах — как продавали их по всему миру — как рабов. И ты поразишься тому, что великие индуистские святые, мудрецы — ведь никто не заглядывает за занавеску — даже они ходили в места, где проводились аукционы женщин, и они покупали женщин.

У них были жены, и наряду с этим они покупали женщин. Для этих купленных женщин было особое слово. Для жены — это слово *патни*, а для купленной женщины — это слово *вадху*. Сейчас различие утрачено, поскольку сейчас нет аукциона женщин.

Но это признавалось совершенно правильным. Даже так называемые пророки, святые, которых ты бы посчитал вышедшими за пределы всех мирских вещей, оказались не настолько восприимчивыми, чтобы восстать против этого жестокого обычая распродажи женщин, приобретения их, совсем как ты приобретаешь любую другую вещь на базаре. Что же правильно? И что неправильно?

Поэтому вопрос не в том, что *ты не должен позволять неправильным мыслям задерживаться*. Ты не должен позволять мыслям задерживаться — вопрос не в правильном, вопрос не в неправильном.

Другими словами: всякая мысль неправильна.

Все мысли нужно удалить из ума, так чтобы экран ума был совершенно пуст, чтоб над тобой было открытое, бескрайнее небо, чтобы ничто не двигалось в уме. Таков подлинный дзэн. Но так может сказать только просветленный мастер.

Да Хуэй собирал здесь и там все, что казалось ему значительным. Но у него не было внутреннего критерия, чтобы судить, что такое подлинный путь самореализации. Он ходил ко всевозможным учителям, и он собирал всевозможные противоречивые мысли.

Он был разумным человеком, но один разум не способен постичь природу нашего существа. Не в состоянии.

Если ты не умеешь видеть сквозь них, то, как только неправильная мысль появляется, ты должен быстро сконцентрировать свою ментальную энергию, чтобы отвести себя прочь от этой мысли.

Во-первых, всякая мысль неправильна.

Во-вторых, ты не должен отводить свою ментальную энергию, потому что ментальная энергия есть корень твоих мыслей. Это мать всех мыслительных процессов, хороших или плохих. Ментальную энергию не нужно отводить. Ты должен выйти из ментальной энергии, из беспорядка ментальной энергии; ты должен вывести *себя* из нее.

Ты должен стоять снаружи своего ума — как наблюдатель. Что бы ни происходило в уме, не вмешивайся. Просто наблюдай. Просто продолжай смотреть на это, как будто это чей-то чужой ум, а ты не имеешь к нему никакого отношения — это не твое дело.

В этой безразличной отчужденности все мысли исчезают. А с исчезновением мыслей нет и ума, потому что ум — это не что иное, как коллективное наименование мыслей.

Да Хуэй не знает ничего о медитации. Он никогда не медитировал.

Если ты всегда поддаешься таким мыслям и позволяешь им непрерывно тянуться, то это не только заграждает Путь, но и делает из тебя человека без мудрости. Он ничего не знает о мудрости. Он пользуется не тем словом. Все, что он говорит... Только одно следует сказать: если ты дашь мыслям тянуться без перерыва, это не только преградит путь, но и сделает тебя человеком *без знания* — а не *без мудрости*.

Это тоже нужно видеть ясно. Знание абсолютно уместно в науке. Сам смысл слова «наука» — в знании, и все усилия науки — это продолжать заменять неизвестное известным. Конечная цель науки в том, чтобы однажды не осталось ничего неизвестного — все станет известным. Все будет сведено к известному. Это и есть тот пункт, где религия и наука расходятся. И различие это огромно.

Религия говорит, что в мире существует не только две категории — известного и неизвестного. Есть третья категория, которая более важна, чем другие две, и это категория *непознаваемого*, таинственного, чудесного. Ты можешь жить этим, можешь быть этим, можешь радоваться этому, можешь петь этому, можешь танцевать с этим. Но ты не можешь знать это. Знание невозможно.

Вступить в эту сферу непознаваемого и есть мудрость.

Мудрость — это не знание.

Мудрость — это невинность и глубокое чувство чудесного.

Глаза мудрого человека полны удивления; даже маленький цветок вызывает его удивление. Это же так таинственно — почему он тут?

Это произошло однажды ночью...

Сократ не возвращался домой. Его жена была очень обеспокоена, все соседи беспокоились. Они озирались вокруг — куда же он подевался? Он был не таким человеком, чтобы ходить куда-нибудь; из школы, где он преподавал, он приходил обычно прямо домой. Такого никогда не бывало прежде, это

было беспрецедентно. Падал снег, и все сильно беспокоились, не заблудился ли он где-нибудь в лесу.

Утром его нашли. Он стоял рядом с деревом, опираясь о дерево спиной, и глядел на небо. Когда до него добрались, он почти замерз, потому что снегу там было по колено.

Они растормошили его: «Что ты делаешь здесь?» Он сказал: «Что я делаю здесь? Ночь выдалась такой дивной, и звезды были так таинственны, что я просто продолжал смотреть, смотреть и смотреть. Много раз приходила мысль, что становится поздно, но я был почти загипнотизирован звездами и их красотой. Я знал, что шел снег, я дрожал — но не мог пошевелиться».

Вот такой человек и есть человек мудрости. В мире миллионы людей, которые продолжают бегать туда-сюда и никогда не глядят в небо. Оно прямо над ними сверху — бесплатно, без билета, не надо стоять в очереди перед кинотеатром — и такое великолепие! И ты владеешь им, потому что никто другой им не владеет.

Ночь полнолуния — и ничто не шевельнется в твоём сердце?

Бутоны розы раскрываются — и ничто не раскрывается в твоём существе?

Кукушка начинает петь свою песню — и тебя не трогает кукушка?

Мудрость — это совершенно иная вещь, чем знание. Знание демистифицирует существование; мудрость дает ему тайну. Мудрость принадлежит мистикам; знание принадлежит ученым, философам, теологам — но они не люди религии. Им неведом пульс Вселенной.

Только люди, которые вступают в сферу таинственного, открывают двери за дверями тайны и неожиданно обнаруживают себя не в обычном мире, который лишен смысла, а в сказочном краю, где все так значительно, так поэтично, так музыкально, так прекрасно.

Все это переживание и есть переживание религиозного существа. И такое переживание возможно, лишь если ты можешь отложить свой ум в сторону. Ум — это коллекционер знания; ему не интересна тайна.

В давние дни Гуй Шань спросил Ленивого Аня: «Какую работу ты выполняешь за двадцать четыре часа в сутки?»

Ань сказал: «Сторожу быка».

Гуй Шань спросил: «Как же ты сторожишь его?»

Ань сказал: «Всякий раз, когда он забирается в траву, я вытаскиваю его назад за нос».

Гуй Шань сказал: «Ты и вправду сторожишь быка!»

Дзэн полон такими небольшими диалогами, они очень характерны для него. Эта небольшая притча передает всего несколько слов между двумя людьми, но все, что должно быть сказано о дзэн, сказано.

Ань был известен в истории дзэн как человек ленивый. Его прозвали Ленивым Ань, потому что он никогда ничего не делал. Гуй Шань спросил его: «Какую работу ты выполняешь за двадцать четыре часа в сутки?» — ведь ты не делаешь ничего, просто сидишь молча.

Люди любили Ленивого Аня. Это был замечательный человек огромного присутствия. Само его пребывание делало это место почти святым, такой энергией он обладал — хоть никогда ничем не занимался. Люди обычно сами приносили ему пищу. Он даже не ходил за подаванием — как делали все буддийские монахи, — но люди проявляли заботу о нем. Они беспокоились о нем. Если было холодно, они несли шерстяные одеяла; если лил дождь, мастерили какое-то укрытие.

Ань был до того ленивым, что не хотел даже ходить; людям приходилось нести его! Люди знали, что не было никакого смысла говорить что-нибудь ему, они просто делали все, что надо было делать. А он никогда никому не мешал и не спрашивал: «Куда это ты несешь меня?» Даже этого было слишком много — спросить: «Куда это ты несешь меня?» Это был особый характер.

Гуй Шань тоже был человеком великого понимания, поэтому он спросил: «Чем ты занимаешься двадцать четыре часа в сутки?» Ань сказал: «Сторожу быка». Он подразумевал те десять картин поиска быка. Только короткая фраза... он не сказал ничего больше.

Гуй Шань спросил: «Как же ты сторожишь его?»

Ань сказал: «Всякий раз, когда он забирается в траву, я вытаскиваю его назад за нос».

Гуй Шань сказал: «Ты и вправду сторожишь быка!»

Таков конец диалога. Но Гуй Шань выразил свое согласие с тем, что это и есть путь медитации. Когда твое сознание

начинает вовлекаться в ум, вытаски его обратно. Оставайся поодаль, стой в стороне. Сохраняй дистанцию между собой и умом... и нет нужды делать ничего другого. Гуй Шань в самом деле обрадовался, что Ленивый Ань вовсе не ленив: он продвигает громадную внутреннюю работу. Внешне, конечно, он выглядит ленивым, но по его ауре, по его энергетическому полю можно заметить: некая свежесть окружает его, определенный аромат.

Он не делает ничего; и все же, где бы он ни был, люди проявляют заботу о нем по своему собственному желанию. Они внезапно чувствуют, что должны проявить заботу о Ленивом Ане; это так, словно он просто малое дитя, до того невинное, что любой тут же начнет заботиться о нем, — а ведь он был стариком. Никто никогда не говорил ему, что он должен делать. Он был занят тем, что может быть названо реальным деланием. Он постоянно делал только одну вещь: не позволяя своему сознанию вовлекаться в заросли ума, где мысли растут, как трава, буйная трава. Он просто продолжал вытаскивать своего быка обратно.

И это не требует много времени. Раз твое сознание привыкает не вовлекаться в ум, тебе не придется тащить его снова и снова; быть вне ума — это так спокойно, так радостно, так благодатно, что сознание само начинает осознавать, что быть в уме — это быть в аду. Теперь — дело твое. Если ты хочешь быть в аду, можешь быть; так или иначе, это не вынужденно, это не обязательно. Ад — не обязателен!

Люди, которые изучают путь... и снова он продолжает пользоваться словом «изучать» ...в своем контроле над неправильными мыслями — снова он продолжает говорить неправильные вещи — должны быть подобны Ленивому Аню, стерегущему быка.

Он не понял того, что делает Ленивый Ань. А тот не контролирует свои мысли. Он просто вытаскивает свое сознание из мира мыслей, из сферы и территории ума... *в этом случае само собой происходит полноценное созревание.*

За чужой лук не берись.

«За чужой лук не берись, на чужого коня не садись, в чужие дела не вмешивайся». Такая банальная поговорка тоже может послужить поводом для вступления на Путь.

Это древняя китайская поговорка: «За чужой лук не берись, на чужого коня не садись, в чужие дела не вмешивайся». Она потрясающе прекрасна, хотя это всего лишь мудрость людей. Они говорят: «Не заимствуй ничего ни у кого». Полагайся на свои собственные ресурсы, потому что, если ты не полагаешься на свои собственные ресурсы, ты никогда не сможешь быть свободным, ты никогда не сможешь быть индивидуальностью. Ты будешь всегда оставаться рабом.

Да Хуэй говорит: «Такая банальная поговорка тоже может послужить поводом для вступления на Путь». Время от времени он говорит нечто такое, что явно взял от того, кто знает.

Изучай себя постоянно... но он тут же возвращается в свое обычное состояние. В этом-то и беда: если ты повторяешь чье-то чужое знание, это не может продолжаться долго. Вскоре ты скажешь что-нибудь такое, что разоблачит тебя.

Он говорит: «*Изучай себя постоянно*». Это не путь дзэн. Это путь психоанализа, которого не существовало в те дни и которого не существует на Востоке даже сегодня. И если Запад не будет непреклонным и предвзятым и раскроется к пониманию, психоанализ исчезнет и на Западе.

Изучение себя не вызовет в тебе перемены. Ты можешь изучать себя бесконечно. «Изучать» — это только другое слово вместо «анализировать»: почему эта мысль, почему та? Какова причина этого? Почему это пришло ко мне? Что мне надо делать с этим? Ты попадешь в сумасшедший дом.

Нет, это не путь Востока.

Восток говорит: «Оставайся осознающим себя постоянно».

А быть осознающим не значит изучать себя.

Быть осознающим — это просто быть в стороне, но наготове. Что бы ум ни делал, пусть делает; что бы ни происходило в уме, пусть так и будет. Просто будь вне этого. Ты не должен быть участником — вот все, что необходимо, и ум умирает своей смертью. С этим же своим изучением ты вступаешь на территорию ума. А ум — это такой тонкий феномен... в тот миг, как ты вошел в него, он начинает эксплуатировать твою энергию для собственных целей.

Таков опыт всех восточных мистиков. Не анализируй, не изучай, не обосновывай, не осуждай. Не делай никакой оценки. Просто стой в стороне, как будто дорога заполнена движением, а ты отступил в сторону с дороги и стоишь там,

и тебе дела нет, кто уходит, кто приходит, кто хороший, кто плохой.

Это открытие осознания было таким чудом: уличное движение исчезает только потому, что ты выходишь из него. Ты не должен исследовать, ты не должен контролировать, ты не должен ничего разгонять.

Тебе не нужно делать вообще ничего — просто чистого осознания достаточно, чтобы убить ум.

...что ты делаешь с утра до вечера, чтобы помочь другим и помочь себе? Если ты замечаешь хоть малейшую привязанность или теряешь чувствительность, ты должен предостеречь себя. Не будь беззаботными на этот счет!

Он говорит прямо как учитель морали, католический священник! Он забыл, что если человек осознает себя, то что бы он ни делал — правильно, и он никогда не сделает ничего неправильного.

Это не вопрос выбора. Его осознания достаточно, чтобы вести его к правильному и никогда — к неправильному. Он просто остается безвыборно бдительным и осознающим, и весь стиль его жизни меняется. Тогда все, что он делает, — всегда полезно. Тогда он — постоянное благодеяние всему миру.

Но это не является его решением.

Это просто его спонтанность. Это просто его природа — быть добрым. Как на розовом кусте цветут розы, на кусте осознания розы тоже цветут — розы доброты, розы красоты, розы милости, розы всевозможных благодеяний для других, для себя.

В давние дни чаньский мастер Дао Линь жил на высокой сосне, на горе Чинь Ван; люди того времени звали его «Монах Птичье Гнездо». Когда министр Бо Чжу-и был командующим Чень Тана, он предпринял путешествие к горе, чтобы посетить мастера.

Бо сказал: «Там, где ты сидишь, чаньский мастер, очень опасно».

Мастер сказал: «Для меня опасность, может быть, и очень велика, министр, но для тебя еще больше».

Бо сказал: «Я — командующий Чень Тана: в чем здесь опасность?»

Мастер сказал: «Топливо и огонь объединились, сознанию и личности нет места. Как же ты можешь не быть в опасности?»

То, что он говорит, потрясающе значительно. Он говорит: «Я сижу в птичьем гнезде на сосне. Вполне очевидно, что тут есть опасность падения, но осознаешь ли ты, что если упадешь со своего места, то будешь в гораздо большей опасности? И твое падение возможно в любой момент. Ты — главнокомандующий, враг недалеко. Ты и твой враг соединены, как топливо и огонь. Вот огонь, совсем рядом с ним топливо; они могут соединиться в любой момент. В любой момент может быть взрыв. Ты сидишь на вулкане.

«Я, безусловно, в опасности — если упаду, скорее всего, я сломаю себе несколько костей. Но эта опасность невелика. Твоя опасность гораздо больше. *Сознанию и личности нет места.* Твое сознание так невелико; это и есть величайшая опасность в мире, потому что в любой момент ты можешь соскользнуть в бессознательное. Тогда, в бессознательности, все, что ты ни сделаешь, принесет тебе вред. А мое сознание абсолютно. Я могу сидеть в птичьем гнезде на этой высокой сосне; я знаю, я не упаду, потому что я бдителен. Даже когда сплю, я бдителен».

Однажды Ананда спросил Гаутаму Будду... Он обычно спал в той же комнате, чтобы заботиться обо всем, что Будде потребуется ночью, если тот вдруг почувствует недомогание. Будда был стар и немощен, но он работал тяжело, постоянно ходил пешком, до последнего дыхания. Гаутама Будда обычно спал в положении, которое называется позой льва — точно так же спит лев. Но Ананду поразило то, что, когда Будда принимал эту позу, он оставался в ней всю ночь; он не двигал ногами, он не двигал рукой, он не шевелился вообще. Он оставался почти как статуя. Ананда поражался — один день, пожалуй, можно справиться, но день за днем, месяц за месяцем, год за годом?.. В конце концов он не смог сдержать любопытства. Он сказал: «Я должен спросить, спишь ты или нет, — потому что ты никогда не меняешь своего положения».

Будда сказал: «Тело спит, ум спит, но мое осознание вечно, оно не ведает никакого сна. И во-вторых: ты мечешься и ворочаешься, потому что пытаешься найти правильное положение. Я нашел его — зачем же мне метаться и ворочаться?»

Что ты делаешь, вскидываясь и ворочаясь так и эдак? Фактически, ты стараешься найти подходящую позу. Я нашел ее, Ананда. Теперь нет необходимости менять ее. А что касается осознания, то даже ночью есть небольшое пламя осознания, вечно горящее внутри меня даже во сне».

Поэтому старый мастер был прав, когда сказал: «Для меня опасность, может быть, и очень велика, министр, но для тебя она еще больше». Он говорит: «Твое осознание так мало, а твоя личность так фальшива. Ты считаешь себя главнокомандующим, но под своей униформой ты просто смертный. Всего лишь пуля покончит с тобой; всего лишь приказ императора о твоей отставке или смещении с должности — и ты утратишь свою личность.

Никто не может отобрать мою личность у меня. Никто не может отправить меня в отставку — я уже в отставке. Никто не может повелеть мне: «Ты снят с должности». Куда еще ты можешь бросить меня? Я уже в таком положении, что никому не захочется поменяться местами со мной.

Люди редко приходят сюда. Ты странный парень — взвалить на себя такие хлопоты, чтобы подняться на эту гору, в это пустынное место, и поговорить с незнакомцем, который живет прямо на сосне и никогда не спускается. Моя личность в моих собственных руках. Твоя личность пожалована тебе; ее могут отнять — для тебя опасность, министр, гораздо больше».

Бо также спросил: «В чем полный смысл буддийского учения?»

Мастер сказал: «Не совершать ничего дурного, практиковать все добродетели».

Это абсолютно неправильно, и я не думаю, что это было сказано чаньским мастером Дао Линем; он не мог говорить так. Это явно добавление Да Хуэя, потому что это не учение Будды, — а ведь Бо просил *полное* учение буддийской философии, то есть только суть.

Суть буддийской философии — это просто *Випассана*: одним словом, медитация.

Все остальное вторично и несущественно. Все, что говорит Да Хуэй, несущественно: *Не совершать никакого зла, практиковать все добродетели* — это не учение Будды.

Вот где Будда уникален — отличается от любого другого мастера в мире: его учение можно свести к единственному утверждению: «Будь безмолвным, выходи за пределы ума, тогда все, что ты делаешь, — хорошо».

Бо сказал: «Даже трехлетний ребенок может сказать это!»

Мастер сказал: «Хотя трехлетний ребенок и может сказать это, восьмидесятилетний старик не может этого выполнить».

Это верно, поскольку единственный способ выполнить это не упомянут. Единственный способ выполнить это — безмолвие.

Из безмолвия распускаются все цветы.

Даже восьмидесятилетнему старику трудно не совершать никакого зла и практиковать все добродетели, потому что они — побочные продукты. Ты не можешь *делать* ничего того, что является побочным продуктом. Тебе нужно идти к корням.

Для примера я расскажу вам... я вспомнил маленький случай из жизни Мао Цзэдуна, когда он был совсем молодым, а его отец уже умер. Его мать очень увлекалась выращиванием роз всех оттенков и разновидностей; она была большим эстетом и создала прекрасный сад вокруг дома.

Ее сестра сильно заболела — а мать очень заботилась о своих розах. Мао был совсем молод, не больше двенадцати лет. Он сказал: «Не беспокойся, мама. Ты можешь идти — ведь это всего на несколько дней; побудь со своей сестрой. О саде позабочусь я».

Мать ушла, а Мао проявил столько заботы, что ты и представить себе не можешь; целый день с утра до вечера он смотрел за розами. Но это было очень странно: они умирали — деревья умирали, цветы умирали — он и представить не мог, что же ему сказать, когда мать вернется. Весь ее сад выглядел необитаемым — а сын делал столько тяжелой работы. Прибыла мать. Она оглядела сад и рассмеялась, потому что Мао стоял там со слезами на глазах. Он сказал: «Я работал непрерывно с утра до вечера». Мать сказала: «Я так и знала, что это произойдет, — не беспокойся. Я подошла неслышно, встала у ворот и наблюдала, что ты делал».

Что же он делал? Он промывал водой каждый цветок, убирал пыль с него маленькой кисточкой. Естественно, все

цветы... он проявлял огромную заботу, но, ухаживая за цветами, ты должен позаботиться и о корнях. Тебе не нужно волноваться о розах, они сами позаботятся о себе; позаботься только о корнях. Он никогда не беспокоился о корнях — он и понятия о них не имел. Его никогда не интересовали корни; он просто мыл цветы.

Деревья умерли, цветы умерли, и бедный мальчик был в полнейшем расстройстве. Мать сказала: «Я видела... стоя за оградой, я просто хотела посмотреть, что же происходит, и я увидела, что ты погубил целый сад! Но нет нужды причитать и плакать».

Мать сказала ему: «Это и есть то, что человеческие существа делают повсюду в мире. Каждый заботится о цветах и никто не интересуется корнями. А все дело в корнях. Цветы появляются сами. Никакой особой заботы для них не требуется».

Поэтому без медитации даже восьмидесятилетний старик не может выполнить этого, хотя это так просто, что и трехлетний ребенок может сказать это. *Мастер сказал: «Хотя трехлетний ребенок и может сказать это, восьмидесятилетний старик не может этого выполнить».* Тогда Бо поклонился и уехал.

Это незаконченное изречение. Он, очевидно, услышал его от кого-то — из вторых, третьих рук, — потому что старый мастер Дао Линь не мог оставить без упоминания корни. Если не упомянута медитация, то там нет и речи об учении Гаутамы Будды. И он, должно быть, упоминал о ней, иначе Бо не отклонялся бы перед уходом. Бо был совершенно удовлетворен, но в том разговоре нет никакой причины для удовлетворения.

Я смотрю на вещи очень прямо. Я не вижу из этого разговора, почему Бо мог быть удовлетворенным, — но он явно был удовлетворен, потому что с большим почтением отклонялся и уехал.

Несомненно, что-то упущено, что-то существенное упущено... и так всегда происходит. Человек, который не понимает, который не испытал медитацию сам, расскажет обо всех деталях, которые являются побочными продуктами, и забудет про медитацию.

Это случалось столько раз, в стольких традициях, что может считаться правилом. Например, Махавира... Его ученики, его последователи считают вот уже двадцать пять веков, что он учил ненасилию, что он учил нестяжательству, что он учил быть подлинными и правдивыми.

Все это и есть побочные продукты. Но джайнские монахи следовали этому, и я видел их лица: на них не было никаких признаков радости, осуществления, удовлетворенности, достижения какого-нибудь великого безмолвия, спокойствия или блаженства. Они выглядят совершенно сухими, мертвыми. Хоть они и следуют дисциплине, и стараются делать это как можно точнее, они просто упускают основу.

Все эти три вещи — ненасилие, нестяжательство, подлинность и правдивость — возникают без всякого усилия с твоей стороны... *если ты преуспел в медитации.*

Человек медитирующий не может лгать.

Человек медитирующий не может повредить никому; потому он и ненасильствен.

Человек медитирующий знает прекрасно, что все вещи преходящи. Ты приходишь в мир ни с чем, и тебе придется уходить из мира ни с чем; поэтому ты можешь пользоваться вещами — но ты не можешь владеть ими. Ты можешь пользоваться вещами точно так же, как пользуешься вагоном в поезде. Просто потому, что ты сидишь в вагоне, ты не станешь заявлять, что ты владелец поезда! Ты воспользовался им на время; на одной станции тыходишь, на другой станции ты выходишь.

Жизнь надо принимать точно так же. Все, что жизнь предоставляет тебе... пользуйся этим, но не становись собственником. Не цепляйся ни за что, и тогда если что-то уходит из твоих рук — ты не огорчен, ты не расстроен; ты не станешь думать о самоубийстве только из-за того, что обанкротился, или из-за того, что твоя жена сбежала с кем-то.

Я слышал о мужчине, который пошел на почту и обратился к начальнику почты: «Пожалуйста, запишите, что моя жена сбежала». Начальник почты сказал: «Сожалею, что ваша жена сбежала. Наверное, вы так расстроены, что не замечаете: это почтовое отделение. Полиция как раз напротив — вам туда». Тот сказал: «Я не пойду туда, и я знаю, что это почта, потому и прошу вас принять заявление».

Начальник почты сказал: «Это странно. Вам известно, что это почтовое отделение, и все же вы пытаетесь мне сообщить, что ваша жена сбежала с кем-то».

Тот сказал: «Да, семь дней тому назад. И я не собираюсь в полицейское управление, потому что, когда она сбежала в последний раз, я сообщил об этом в полицейское управление, а те идиоты привели ее обратно. На этот раз я промолчал семь дней, чтобы дать им уйти как можно дальше. Но потом меня начала мучить совесть и я подумал: «Это неправильно. Я должен хотя бы сообщить». Я и подумал, что лучше сообщить об этом в почтовое отделение. Примите заявление и освободите меня от угрызений совести».

Начальник почты сказал: «Вот так странно. Если так обстоят дела, тогда зачем волноваться? И хорошо, что она сбежала».

Тот сказал: «Я не волнуюсь за нее; меня волнует мужчина, с которым она сбежала. Что будет с беднягой? Я привык к ней; он новичок. Она же прикончит его. Семь дней прошло, и ничего не слышно».

«И вы ничего не чувствуете — ну хоть что-нибудь?» — спросил почтмейстер.

«Я не беспокоюсь о своей жене; меня беспокоит мужчина, которого она захватила. Я не могу сообщить об этом в полицию — вы можете понять мою проблему, — но я молюсь каждый день в храме: “Помилуй того несчастного. Спаси ему жизнь”».

Люди живут в таком страдании. Но даже если они несчастны (с женой или мужем), они не разойдутся. Они не предадут свободы друг другу. Но зачем же продолжать мучиться? Причины — то нет никакой.

Эта жизнь для радости.

Если вы можете радоваться вместе — хорошо.

Если вы можете радоваться отдельно — еще лучше. Для этого нужно лишь немного углубить сознание, и это происходит через медитацию. Тогда все ваши поступки, ваше поведение, ваша жизнь начинают изменяться сами собой; вы начинаете видеть вещи ясно. А сейчас вы видите вещи сквозь такую дымовую завесу, что ничто не кажется ясным.

Женщина пришла к врачу и спросила: «Что за рецепт вы дали моему мужу? Он был таким хорошим, таким послушным, и вдруг, после того как вы дали ему рецепт, он сбежал».

Врач сказал: «Я не давал ему никакого лекарства. Я просто выписал новые линзы для его очков, так что естественно — он должен был сбежать. Я вижу вас — этого достаточно. У него был раньше не тот рецепт, и он был не в состоянии увидеть вас. Как только он увидел вас отчетливо, он сбежал. Тут не о чем спорить».

Все, что вам необходимо, — это ясное зрение... в своей жизни, в своих поступках, в своих отношениях, во всем, что окружает вас. Просто ясный взгляд — и это изменит все, без всяких тяжких усилий с вашей стороны.

— Хорошо, Маниша?

— Да, Мастер.

Литературно-художественное издание

ОШО

МАСТЕР

О преобразении интеллектуала
в просветленного

Перевод: *Свами Дхиан Муниндра*
Редакторы: *И. Старых, В. Трилис, О. Сивовок*
Корректоры: *Т. Селезнева, Е. Яковенко*
Оригинал-макет: *Г. Булавко*
Обложка: *В. Миколайчук*

ООО Книжное издательство «София»
115191, г. Москва, Гамсоновский пер., д. 2, стр. 1

Для дополнительной информации:
Издательство «София»
04073, Украина, Киев-73, ул. Фрунзе, 160

Подписано в печать 28.02.2015 г.
Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 33,60.
Тираж 3000 экз. Зак. №

Отделы оптовой реализации
издательства «София»
в Киеве: (044) 492-05-10, 492-05-15
в Москве: (499) 317-56-22, 317-56-44
в Санкт-Петербурге: (812) 676-07-68

<http://www.sophia.ru>